

РАЗУМНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ЯЗЫК

LANGUAGE AND REASONING

V. V. VINOGRADOV RUSSIAN LANGUAGE INSTITUTE OF RAS

ELENA A. GRISHINA

RUSSIAN GESTURES
FROM A LINGUISTIC
PERSPECTIVE

A collection of corpus studies

LRC Publishing House
Languages of Slavic Culture
Moscow 2017

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА РАН

Е. А. ГРИШИНА

РУССКАЯ ЖЕСТИКУЛЯЦИЯ
С ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ
ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Корпусные исследования

Издательский Дом ЯСК
Языки славянской культуры
Москва 2017

УДК 80/81
ББК 81.1
Г 85

*Утверждено к печати Ученым советом
Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН*

Рецензенты:
д-р филол. н. В. И. Подлеская,
д-р филол. н. Т. Е. Янко

Гришина Е. А.

Г85 Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения (корпусные исследования). — М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. — 744 с., ил. — (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning.)

ISBN 978-5-94457-301-8

Книга содержит корпусные исследования в области жестикуляционной лингвистики. На материале Мультимедийного русского корпуса (МУРКО) автор исследует систему русских указательных жестов (ручные и головные указания, автоуказание), русские иконические (изобразительные) жесты, жестикуляционную топологию (расположение жеста в пространстве), отражение в жестикуляции точки зрения говорящего, а также служебные жесты, сопровождающие русскую речь. Русская жестикуляция впервые описана систематически в ее отношении к русской устной коммуникации.

The book contains corpus studies in the field of gestural linguistics. Drawing the data from Multimodal Russian corpus (MURCO), it examines the system of Russian pointing gestures (hand and head pointings, autodeixis), Russians iconic (representational) gestures, gestural topology (spatial location of the gesture), the speaker's point of view represented in gesticulation, as well as auxiliary gestures that accompany Russian speech. This is the first systematic description of Russian gestures in their relation to Russian oral communication.

УДК 80/81
ББК 81.1

*В оформлении переплета использованы фрагменты рисунков Л. Бакста
«Танцующая вакханка» и «Беотиец»*

© Гришина Е. А., 2016
© Авторы, послесловие, 2017
© Издательский Дом ЯСК, оформление, издание, 2017

ISBN 978-5-94457-301-8

От автора

Предлагаемая вниманию читателей книга является результатом многолетней работы автора. Эта работа ни в коей мере не могла бы состояться, если бы не помощь и поддержка разных людей и организаций. Автор хотел бы им всем выразить благодарность.

Прежде всего это касается команды, в течение многих лет создающей и развивающей **Национальный корпус русского языка**. Эта книга никогда бы не была написана, если бы в 2003 году Е. В. Рахилина не привлекла автора к работе над Корпусом.

Ни с чем не сравнимую поддержку Национальному корпусу русского языка оказала и оказывает компания **«Яндекс»**, прежде всего — программисты Алексей Зобнин, Игорь Шалыминов, Семен Давыдов и Андрей Аброскин. А если бы не благословение и защита безвременно покинувшего нас и оставившего нас безутешными Ильи Сегаловича, то не состоялась бы не только эта книга, но и огромное число лингвистических исследований последних лет, которые используют данные Национального корпуса русского языка.

Автор хотел бы поблагодарить **Институт русского языка РАН**, в котором он имеет счастье работать, и прежде всего его руководство — А. М. Молдована, М. Л. Каленчук, В. А. Плунгяна, В. А. Пыхова, Л. П. Крысина и ныне, к неизбежному сожалению, покойного В. М. Живова. Благодаря неустанным усилиям этих людей в Институте созданы условия, в высшей степени комфортные для творческой реализации работающих в нем лингвистов.

В течение многих лет, начиная с 2006 г., работу автора по созданию устного модуля Национального корпуса русского языка, в т. ч. и Мультимедийного русского корпуса (МУРКО), материалы которого легли в основу этой книги, поддерживал **Российский фонд фундаментальных исследований**. Автор весьма обязан руководству фонда и рецензентам, оценивавшим авторские проекты.

Безусловно, созданию этой книги способствовала такая постоянно действующая площадка, как ежегодная международная конференция **«Диалог»**, в ходе которой лингвисты могут апробировать на грамотной и требовательной аудитории самые разные, иногда отдающие творческим безумием идеи. Благодаря В. П. Селегею, оргкомитету конференции и ее редколлегии автор книги имел возможность регулярно представлять лингвистической общественности свои наработки в области жестикоуляционной лингвистики.

Автор благодарит за многолетнюю самоотверженную работу команду **Мультимедийного русского корпуса (МУРКО)**, который, безусловно, еще

послужит славе российской лингвистики, — прежде всего С. О. Савчук, А. А. Курсакову, С. Б. Иванютина, А. А. Махову, Л. Д. Алексеевского.

Огромной поддержкой для автора были первые читатели и рецензенты, а также просто заинтересованные слушатели — В. И. Беликов, Л. М. Захаров, А. А. Кибрик, И. М. Кобозева, А. А. Котов, Г. Е. Крейдлин, О. Ф. Кривнова, И. Б. Левонтина, Е. В. Падучева, В. А. Плунгян, В. И. Подлесская, Е. В. Рахилина, С. О. Савчук, Д. В. Сичинава, А. Я. Шайкевич, Л. Л. Шестакова, Т. Е. Янко. Без их духоподъемных отзывов автор чувствовал бы себя гораздо менее уверенным в правильности выбранного направления исследований.

Огромную благодарность автор выражает врачам, которые, сколько могли, поддерживали в рабочем состоянии весьма несовершенный организм автора, — Д. А. Царегородцеву, М. Б. Ориновскому, М. П. Барановой.

И, наконец, автор хочет поблагодарить своих учителей, прежде всего — А. А. Зализняка: если автором и достигнуто что-то на лингвистическом поприще, то только благодаря возможности учиться в течение десятилетий тому, что есть лингвистика и как ею следует заниматься.

1. Введение

1.1. Что такое жест?

Должна ли каждая работа по лингвистике начинаться с определения **слова**? Очевидно, нет. При том что точного и общепринятого определения этого базового лингвистического понятия не существует, среди лингвистов — тем не менее — имеется некоторое единомыслие, во-первых, о том, чем слово отличается от словосочетания или от части слова, а также — чем оно отличается от не-слова, т. е. от некоторого набора звуков, а во-вторых, о том, что слово, безусловно и несомненно, является предметом лингвистики. Именно поэтому лингвистическая работа, сделанная на традиционном материале, не должна ни определять понятие *слово*, ни доказывать, что слово является законным объектом лингвистического изучения.

Ни одно из условий не соблюдается для жеста. Мысль о том, что жест — это такое же лингвистическое явление, как и слово, не очевидна для традиционной лингвистики, во всяком случае, для русской лингвистики. Кроме того, среди ученых нет полного согласия в отношении того, какие именно движения человеческого тела являются жестами.

В связи с этим мы вынуждены начать нашу книгу с рассмотрения тех признаков, которые являются определяющими для жеста¹.

Адам Кендон во второй главе своей классической работы [Kendon 2004] подытожил те свойства жеста, которые используются обычно, чтобы отличить жест от других движений человеческого тела. Таковыми свойствами являются (передаем своими словами):

- осознанность жеста;
- намеренность жеста;
- информативность жеста;
- контролируемость жеста;
- бескорыстие жеста.

¹ Что до мысли, что жестикуляционная лингвистика должна быть включена в состав лингвистики как одна из необходимых составных частей последней, то доказательству этого посвящена наша книга целиком.

Осознанность жеста предполагает, что говорящий², жестикулируя, сознательно производит какие-либо телодвижения, сопровождающие или заменяющие речь. Насколько это соответствует реальности, хорошо иллюстрирует тест, предложенный в следующей цитате:

Большинство жестов рук и мимических движений *производится и осуществляется бессознательно*. Говорящих можно попросить *повторить слово за словом* то высказывание, которое они только что произнесли, и говорящие справятся с этой задачей относительно легко и достаточно успешно. Но очень немногие говорящие смогут правильно воспроизвести *те жесты, которые сопровождали это высказывание*, — не говоря уже о том, чтобы их интерпретировать [Lapaire 2011: 97].

Автор данной книги, работая с Мультимедийным русским корпусом (МУРКО), неоднократно сталкивался с ситуацией, когда на те или иные запросы к корпусу выпадали клипы, включающие его собственные (автора) высказывания, сопровождаемые жестами. И неоднократно же возникала ситуация, когда автор с трудом мог объяснить, почему в том или ином случае он совершает то или иное движение рукой или головой. И если что-то удавалось обосновать вполне достоверно, то вовсе не потому, что автор осознал свои собственные телодвижения в момент их совершения, а потому, что к этому моменту им уже была проделана определенная аналитическая работа, предлагающая статистически достоверные интерпретации тех или иных жестов.

Таким образом, осознанность жеста вряд ли может рассматриваться как его определяющее качество.

Поскольку неосознанное не может быть намеренным, то **намеренность** жеста как его сущностное, определяющее свойство также вызывает сильные сомнения. Действительно, ряд жестов мы совершаем намеренно, например, если нас просят показать *направление* куда-либо или *форму* какого-либо объекта. Но такие случаи, скорее, являются исключением, а не правилом, и в большинстве случаев мы жестикулируем не только неосознанно, но и ненамеренно. Но и в тех ситуациях, когда мы совершаем жест осознанно и намеренно, за пределами нашего сознания остаются существенные свойства этого жеста: например, направление мы можем указать открытой ладонью или указательным пальцем, ладонь при этом может быть ориентирована вниз, вертикально или вверх, угол между указующей рукой и телом может быть тупым или острым, связка пальцев под ладонью при указании пальцем может быть жесткая или свободная и так далее. Все эти параметры жеста имеют зна-

² В этой книге говорящий одновременно является жестикулирующим. Далее это специально не оговаривается.

чение (в собственно лингвистическом смысле этого слова) — и мы обладаем способностью выбрать тот или иной параметр из общего набора для того, чтобы передать соответствующий семантический компонент. Но при этом выбор этот не осознан и не намерен — при общей осознанности и намеренности жеста.

Под **информативностью** жеста имеется в виду способность жеста передавать информацию слушающему. В высшей степени четко это свойство жеста было сформулировано Десмондом Моррисом в работе [Morris 2002; русский перевод Моррис 2010]:

Жест, в том числе мимический, — это любой знак, подающий визуальный сигнал наблюдателю. Действие превращается в жест, когда оно несет в себе некую коммуникативную информацию и наблюдаемо при этом внешним зрителем. Информация передается либо потому, что жестикулирующий сознательно решает подать сигнал (например, машет кому-либо рукой), либо делает это случайно (например, чихает). Взмах руки — это Основной Знак, поскольку у него нет иной причины или функции. Чихание, напротив, относится к вторичным или Случайным Знакам [Моррис 2010: 37].

С нашей точки зрения, этот параметр является слишком широким. С одной стороны, в отличие от Д. Морриса, мы бы не хотели считать жестом вторичные, или Случайные, по Моррису, знаки: приравнивать чихание к указательному жесту, полагая **оба** телесных действия жестами, нам кажется неправильным (см. об этом ниже). Таким образом, с нашей точки зрения, существенное число телесных действий и движений, которые передают стороннему наблюдателю ту или иную информацию, жестами не являются.

С другой стороны, передать информацию воспринимающему (слушающему) можно только в ситуации, когда наблюдающий/слушающий имеет возможность так или иначе эту информацию воспринять. Однако хорошо известно, что говорящий активно жестикулирует и в отсутствие такой возможности у слушающего, например при разговоре по телефону³.

Если подытожить, то а) передавать информацию может **не только жест** и б) жест **может не передавать информацию** ввиду отсутствия воспринимающего.

³ Впрочем, такой принципиальный сторонник коммуникативной природы жеста, как А. Кендон, полагает, что жестикуляция в ходе телефонного разговора — всего лишь дань привычке жестикулировать в ходе любого разговора (см. [Kendon 1994]). См. также дискуссию о коммуникативной природе жестов в кратком аналитическом обзоре [De Ruiter 2003]. Заметим здесь, что мы ни в коем случае не отрицаем коммуникативную природу жестов, мы всего лишь утверждаем, что сам по себе этот критерий недостаточен для сущностного определения жеста.

Таким образом, реально работающими параметрами, которые отграничивают жест от нежеста, являются, с нашей точки зрения, параметры *контролируемость* и *бескорыстие*. Под **контролируемостью** жеста имеется в виду возможность для говорящего **не совершать** данное физическое действие. Так, например, при проверке невропатологом коленного рефлекса тестируемый не может не двинуть ногой после удара молоточком под надколенником. Человек не может контролировать расширение зрачков, если он испытывает боль. В повседневной жизни практически не контролируются смех и слезы. Таким образом, в отличие от физиологической реакции (ср. чихание, упоминаемое Д. Моррисом), жест говорящим может совершаться или не совершаться, т. е. говорящий выбирает сам — жестиковать ему или нет в данный конкретный момент.

Под **бескорытием** жеста понимается отсутствие — в случае жестикляции — у движения человеческого тела некоторой практической, утилитарной цели. Если человек протягивает руку, чтобы взять стакан и налить в него воду, то он передает окружающим информацию о том, что ему хочется пить, но это физическое действие — протянутая к стакану и бутылке с водой рука — не является жестом. Если человек отклоняется назад от некоторого предмета, который может нанести ему увечье, то он не жестикует, а совершает физическое действие, направленное на то, чтобы избежать увечья. Напротив, рука, протянутая к стакану без намерения стакан взять, является указательным жестом, а отклонение от собеседника в ситуации, когда от последнего не исходит никакой угрозы, является стандартным жестом дистанцирования, чрезвычайно частотным в жестикляции, или знаком окончания реплики или некоторой темы в беседе. Если формулировать иначе, жест, по сравнению с утилитарным движением, всегда является метафорой, этимологически основанной на утилитарном движении, но в синхронии уже оторванной от него, иногда настолько сильно, что требуется специальное исследование, чтобы восстановить утилитарный **ЭТИМОН** жеста⁴.

Итак, говорящий контролирует свою жестикляцию (т. е. физически может совершить, но может и не совершать данный жест, но тем не менее его совершает) и при этом не ставит перед собой никакой утилитарной цели, которую он мог бы достичь с помощью данного движения. Сочетание двух этих обстоятельств приводит к тому, что у жеста появляется **СМЫСЛ**, т. е. жест превращается в двусторонний знак, аналогичный слову.

⁴ Если обратиться к терминологии когнитивной теории метафоры, то жест может рассматриваться как отображение исходной области (source domain) в область цели (target domain) посредством физического движения (см. [Cienki, Müller 2008]).

Таким образом, **жестом** мы считаем двусторонний знак, имеющий означающее (движение того или иного органа человеческого тела) и означаемое (значение, смысл этого знака).

Примечание. Здесь следует сделать одно терминологическое уточнение, которое является весьма важным для данной книги. В последние годы все более популярной становится идея о том, что жест следует анализировать не как целое, а как комбинацию ряда признаков (см. в § 1.3.2 термин *вертикальная лигатура*), каждый из которых имеет определенное значение. Наиболее отчетливо эта концепция отражена в работах Ж. Кальбрис (см. в особенности ее книгу [Calbris 2011]), а также в работах группы исследователей университета Виадрина (Франкфурт-на-Одере), лидером которой является К. Мюллер (см. также [Крейдлин 2007: 323] о композиционности жеста). В качестве наиболее исследованных на данном этапе жестикуляционной лингвистики являются такие признаки⁵, как направление движения жеста, конфигурация ладони, ориентация ладони, зона жестикуляции (центр vs. периферия); иногда к этому набору добавляют кратность жеста. Периодически эти значимые компоненты жеста мы также будем называть жестами. Контекст, однако, всегда позволяет понять, что конкретно имеется в виду, — жест как комбинация признаков или каждый признак отдельно.

При этом жест восходит к утилитарным дожестовым **этимонам**, а следовательно, в отличие от слова, является мотивированным знаком, форма которого может быть объяснена посредством обращения к повседневной жизни человека (что требует от исследователя в качестве обязательного этапа исследования «этимологическую» интерпретацию жеста)⁶. Разница между языковым и жестикуляционным знаком замечательно сформулирована Ж. Кальбрис:

Принцип кодирования в невербальной коммуникации отличается от принципа кодирования в собственно языковой коммуникации. Невербальный знак характери-

⁵ Первоначально были выделены с опорой на исследования языков глухонемых.

⁶ Разумеется, последнее утверждение относится не ко всем жестам: жесты, которые уже традиционно называются эмблемами (термин восходит к [Efron 1941]), имеют такую же условную связь между означающим и означаемым, как слово (обычно в качестве примера эмблемы приводят большой палец, поднятый вверх и означающий 'отлично, хорошо'). Впрочем, эмблематичность ряда жестов в ходе развития жестикуляционной лингвистики может переосмысляться: например, жест, традиционный для изображений римских императоров, — рука, вытянутая вперед с обращенной вниз ладонью, как символ власти, — традиционно рассматривается как эмблема, но в свете последних исследований семейства жестов с ориентацией ладони вниз (см. § 2.1.2 о ручных указательных жестах) начинает осмысляться как мотивированный изобразительный жест (Jürgen Streeck, устное сообщение).

зуются естественной связью (соположением или сходством) между его физическими свойствами и его референтом. Он *мотивирован*... — в противоположность собственно языковому знаку, который *произволен* в том смысле, что нет никакого естественного отношения соположения или сходства между звуковой формой слова и его референтом, за исключением случаев звукоподражания. Но вне зависимости от того, мотивирован он или произволен... каждый знак может быть понят только в рамках данного языкового сообщества. Знак специфичен для той или иной культуры, он всегда определен некоторым общественным договором, *условен* [Calbris 2011: 40–41].

В заключение раздела отметим важный аспект жестикуляции, к которому мы будем регулярно возвращаться при анализе различных типов русских жестов. В связи с тем, что жесты являются неосознанными и непреднамеренными движениями человеческого тела, они могут рассматриваться как надежные свидетельства когнитивных процессов, проходящих в мозгу говорящего, а следовательно, могут в случае неопределенности, двусмысленности, энантиосемичности высказывания служить хорошим маркером для определения того, что именно имел в виду говорящий. И более того, они могут свидетельствовать о наличии в высказывании некоторого компонента смысла, который никаким другим способом (ни собственно лингвистическим, ни фонетико-интонационным) не выражен. Именно поэтому мы считаем развитие жестикуляционной лингвистики серьезным подспорьем в изучении лингвистической семантики. Литература на эту тему поистине огромна (можно, например, сослаться на работы С. Голдин-Медоу (S. Goldin-Meadow) и других исследователей, в которых подробно анализировалось, как жестикуляция учащихся может свидетельствовать о степени усвоения ими материала), но мы в качестве финала еще раз процитируем Ж.-Р. Ляпера:

Жесты — это окно в сознание человека. В момент осуществления жеста недоступные зрению мыслительные представления и скрытые когнитивные механизмы воплощаются в видимые динамические формы [Lapaire 2011: 87].

1.2. Типы жестов

Единой и общепринятой классификации жестов не существует, что естественно для такой относительно молодой и бурно развивающейся науки, как жестикуляционная лингвистика. Однако есть несколько более или менее общепринятых и в высшей степени методологически полезных противопоставлений, которые оказываются важными при практическом анализе жестикуляции. Ни в коей мере не претендуя на полноту описания (отсылаем интере-

сующихся к шестой главе книги [Kendon 2004], в которой история и синхроническое состояние жестовых классификаций изложены с присущим автору блеском), лишь обозначим некоторые противопоставления, которые будут нам полезны в дальнейшем изложении. Заметим, что проведены эти противопоставления по разным основаниям и, как следствие, выделенные в соответствии с ними группы жестов неизбежно пересекаются.

1.2.1. ЖЕСТ И РЕЧЬ

1.2.1.1. Континуум Кендона

В работе [Kendon 1988a] автор предложил различать жесты по трем основным параметрам: 1) обязательность сопровождающей речи (могут ли жесты осуществляться без речи), 2) наличие или отсутствие системных языковых черт в жестикуляции, 3) степень регулярности жеста (является ли он регулярно воспроизводимым или создается говорящим *ad hoc*). В книге [McNeill 1992] Дэвид Макнилл расположил разные типы жестов, выделенных А. Кендоном, вдоль некоторой оси, назвав ее «континуумом Кендона»:

Gesticulation → Language-Like Gestures → Pantomimes → Emblems → Sign Languages

Слева направо 1) обязательность сопровождающей речи постепенно падает, 2) «лингвистичность» (т. е. системная организация в сочетании с произвольностью отношений между означающим и означаемым) возрастает, 3) возрастает также социальная урегулированность манеры исполнения жеста.

Таким образом, согласно континууму Кендона, *gesticulation*, крайняя левая точка шкалы, или то, что позже начало называться **речевыми (co-speech) жестами**,

- в обязательном порядке требует для своей интерпретации сопровождающего речевого потока;

- не образует целостной системы, сходной с собственно языковой системой, в полной мере характерной для крайней правой зоны шкалы, языков глухонемых;

- не имеет социально отрегулированных форм и образуется спонтанно.

По мере продвижения вправо квазиязыковые жесты (Language-Like Gestures), которые могут заменять собой отдельные собственно языковые единицы (например, кивок согласия вместо *Да* согласия, отрицательное качание головой вместо *Нет*), пантомима (жесты, которые могут передавать информацию вместо речи, например, *пожать плечами* в значении 'я не знаю'), эмблемы (жесты типа ОК или поднятого вверх большого пальца) и собственно языки глухонемых постепенно теряют обязательную связь с параллельным речевым

потоком, все более напоминают цельную систему или отдельные ее элементы и получают социально закрепленную и в значительной степени произвольную (немотивированную) форму.

Наша книга посвящена исследованию того, что А. Кендон назвал *gesticulation*, а Д. Макнилл позже называл собственно жестами (*gestures*) и что теперь практически повсеместно именуется **речевыми (co-speech) жестами**, т. е. жестами, которые встречаются преимущественно в сопровождении речи (и семантику которых позволяет «вскрыть» именно сопровождающая речь, см. об этом далее, в § 1.5.2).

За истекшие с момента написания работ А. Кендона и Д. Макнилла годы, однако, исследователи внесли ряд уточнений в определения тех типов жестов, которые расположены на описанной выше шкале.

Во-первых, было показано, что континуум Кендона описывает не столько **типы жестов**, сколько **режимы их функционирования**. Один и тот же жест, как показали исследования, может быть использован и как речевой жест, и как квазиязыковой жест, и как элемент пантомимы, и как один из элементов языка глухонемых⁷. Было выяснено, что между элементами, используемыми в языках глухонемых, и повседневными речевыми жестами нет непроходимой грани; что жесты, которые используются в режиме пантомимы в качестве самостоятельных высказываний (жест *stop*, например, или отрицательное качание головой), используются — со слегка трансформированной семантикой — и в качестве речевых жестов.

Во-вторых, была критически переосмыслена идея, высказанная Д. Макниллом, о том, что речевые жесты являются идиосинкратичными (уникальными) и в своем роде неповторимыми. Так, упомянутая выше группа исследователей под руководством К. Мюллер в последние годы активно разрабатывает концепцию **воспроизводимых (recurrent)** компонентов речевых жестов (см., среди прочего, [Ladewig, Bressemer 2013]). Исследования показали, что уникальность речевых жестов в значительной степени преувеличена: их основные компоненты (направление движения, конфигурация ладони, ориентация ладони, зона жестикуляции — центр или периферия) регулярно воспроизводятся с одним и тем же набором значений (а в качестве уникальных с большой натяжкой могут рассматриваться лишь комбинации этих и других воспроизводимых компонентов). Идея о воспроизводимости отдельных параметров

⁷ Несколько в стороне находятся эмблемы, т. е. жесты, форма которых не мотивирована. Но реально функционирующих эмблем не столь уж много, они хорошо известны исследователям, и есть подозрение, что в эмблемы на самом деле часто превращаются обычные речевые жесты, форма которых выглядит условной лишь потому, что ее мотивированность была утрачена в ходе развития той или иной системы жестикуляции.

речевых жестов является принципиальной для нашей книги, поскольку в ней мы как раз и попытались определить как состав основных воспроизводимых компонентов русских речевых жестов, так и их смысловые характеристики.

Таким образом, задачей данной книги является более или менее систематическое описание речевых жестов, выровненных с соответствующим речевым рядом, с целью определить их повторяющиеся, воспроизводимые компоненты и основные семантические характеристики последних.

1.2.1.2. Служебные жесты

В работе [Efron 1941] были описаны жесты, напоминающие движение дирижерской палочки (**baton-like gestures**), которые не могут выражать никакого смысла, будучи употребленными отдельно от речи (т. е. являются, согласно более поздней терминологии, исключительно речевыми жестами, теряющими свое значение или принципиально изменяющими его, будучи употреблены в режиме пантомимы), все значение которых сводится к чему-то, напоминающему знаки пунктуации. Этой же терминологии в отношении жестов, отмечающих ритм и структуру высказывания, иначе говоря — **ритмических жестов**, придерживались П. Экман и У. Фризен в работе [Ekman, Friesen 1969]. В работе [McNeill 1992] эти же жесты были отнесены к группе неизобразительных жестов (наряду с действительными) и получили наименование **биения (beats)**.

Биения, согласно более или менее общепринятому на сегодня мнению, в основном осуществляются движением руки/рук сверху вниз и кивком головы сверху вниз и совпадают с эмфатически выделенными зонами текста (см. [McClave 2000; Boholm, Allwood 2010] и мн. др.), а также могут отмечать синтаксические границы внутри высказывания и границу реплик (см., среди прочего, [Ishi et al. 2008] — на японском материале).

Наше исследование показало, что значительная часть вертикальных движений руки или головы сверху вниз, которые традиционно относят к биениям, может быть мотивирована семантически и синтаксически (см. Глава 8), кроме того, для ряда повторяющихся вертикальных движений руки/рук, которые по умолчанию считаются ритмическими биениями, может быть предложено и прагматическое объяснение (см. § 14.2.3.2). Пока разграничение, с одной стороны, семантически мотивированных, а с другой — ритмических десемантизованных вертикальных движений, для появления которых сопровождающая речь не предоставляет никаких оснований, последовательно не проведено, мы предпочли не рассматривать в этой книге использование биений в русской устной речи: с нашей точки зрения, о биениях можно говорить только тогда, когда остальные, смысловые, объяснения отсеяны.